

КТ-1450185

Леонид Трошкин

**НЕ НАПРАСНО
ПРОЖИТАЯ ЖИЗНЬ**

Воспоминания о М. А. Свистунове

**с. Шуйское
2013**

Л. ТРОШКИН,
член Союза
журналистов России,
с. Шуйское

НЕ НАПРАСНО ПРОЖИТАЯ ЖИЗНЬ

Раньше или позже, но в пожилом возрасте, вероятно, всем случается подводить свой жизненный итог. Конкретизация может быть широкой. Кто-то припоминает количество пьянок-гулянок или геройских побед над слабым или сильным полом, или рыбацкие и охотничьи удачи, или путешествия, прочитанные книги, наиболее яркие впечатления от увиденного и услышанного, нередко сильно при этом преувеличивая и приукрашивая. Всё это, и по отдельности, и вместе взятое, естественно и, если без перебора, хорошо. Но всё это, увы, преходяще и временно, быстротечно и мимолётно.

Главный итоговый параметр жизни, очевидно, должен быть другим: что создал в этом мире, что оставляешь после себя надолго. Старинный завет мужчинам лаконичен: воспитай сына, построй дом, посади дерево. Выполнил это – жизнь прожил не напрасно.

Мой лучший друг (за свои 60 лет таких насчитал столько, что пальцев на одной руке с избытком хватило), надежный товарищ (и таких не много насчитал), не по родству, а по жизни старший брат - Мануил Алексеевич Свистунов, хоть и не дожил года с малым до семидесяти лет, но, по большому счету, сумел столько добрых дел свершить, что не под силу и троим, а то и четверым нынешним, не последнего сорта мужикам. Два сына и дочь, их дети – надежная гарантия продолжения рода. У всех - крыша над головой. Всё выше возносятся к небу поса-

женные давно и недавно деревья, большая их часть, пожалуй, в родном Междуречье.

Достойны долгой, доброй памяти и неиссякаемого читательского интереса результаты многолетнего писательского, краеведческого, издательского труда Мануила Алексеевича: пять авторских книг и уникальное издание песен на слова и музыку вологодских авторов «Любовь и нежность», составителем и основным автором которого он был вместе с достойнейшей своей ученицей Татьяной Георгиевной Коротковой, многочисленные публикации в сборниках, журналах, газетах. А сколько замечательных книг земляков увидело свет благодаря его неимоверным и бескорыстным редакторским и издательским усилиям и хлопотам! Сколько сил, нервов, здоровья и времени они унесли безвозвратно! Сколько унижительного пренебрежения, лицемерия, ханжества, а иногда и откровенного хамства со стороны так называемых спонсоров, чиновников и прочих нынешних «хозяев жизни» ему пришлось претерпеть в поисках понимания и поддержки своих издательских замыслов и проектов, всегда четко и грамотно обоснованных не только с литературно-художественной или исследовательской стороны, но и с позиций правдивости, нравственности, гражданственности, патриотизма!

Мануил Алексеевич никогда не отступал от задуманного, особенно когда речь шла о помощи друзьям, знакомым, а подчас и малознакомым людям. Поражают его терпение, настойчивость, умение находить общий язык с самыми разными людьми, его культура общения. Какой искренней и светлой была его радость, когда выходила в свет новая книга! Реже, чем золотые самородки, встречаются в жизни люди, которые искренне радуются успехам других людей не меньше чем собственным удачам и достижениям.

Проходило какое-то время, возникали и постепенно реализовывались новые авторские замыслы, обращались за советом и поддержкой новые и старые литературные друзья и собратья – издательское хождение по мукам начиналось вновь и вновь. Удивительно, но за этими изматывающими хлопотами он всегда находил время для неспешного дружеского общения со множеством людей, для чтения, для становившегося с каждым годом всё более зрелым труда поэта, прозаика, краеведа.

Когда я задумываюсь над тем, что помогло моему другу пройти через тяжёлые жизненные испытания и беды, выстоять на достойных че-

ловеческих позициях до смертного своего часа, и уйти, оставив долгую память своими трудами и потомками, то вижу, что в земной жизни было у него два ангела-хранителя, две добрые, ласковые, но непоколебимые в любых испытаниях опоры.

С его мамой, Марией Александровной, довелось мне побеседовать всего трижды. Недолгие эти разговоры остались в памяти не столько своим содержанием, сколько искренним чувством глубоко уважения, которое вызывала эта много пережившая, но не потерявшая ясности и честности ума, гордости, справедливости и строгой доброты пожилая женщина. Её трудовая жизнь была отдана деревенским школам Междуречья. В тяжелейшие военные и послевоенные годы ей довелось одной, без мужа, растить и воспитывать сына. В многострадальном сердце пронесла она через все свои годы незажившую рану трагической участи мужа, такого же сельского учителя, призванного в Красную Армию, когда Мануилу было всего два года. В феврале 1942 года политрук роты Алексей Михайлович Свистунов был арестован по ложному доносу своего сослуживца. Летом 1944 года он умер в заключении. Лишь спустя многие годы после войны был реабилитирован. Но что и как пришлось пережить за всё это время его жене и сыну, которые несмотря ни на что не отреклись от его имени, сохранили память о нём.

Как проявление величайшего доверия расценил я взволнованный и горестный рассказ Мануила Алексеевича, когда мы однажды сумерничали с ним у его письменного стола, о судьбе отца, с глубоким волнением не раз вчитывался в копии документов, которые удалось получить ему в архиве КГБ (НКВД). До сих пор жалею, что не сумел уговорить своего наставника, чтобы поместить имя его отца в Книгу памяти Междуреченского района, Зато в полной мере оценил меру его и мамы его Марии Александровны человеческого достоинства, глубину их семейной трагедии. Даже она не подорвала их веры в людей, стремления нести им добро.

Судьба подарила Мануилу Алексеевичу любовь и дружбу замечательной женщины – Ольги Донатовны. Своё большое и искреннее чувство смогли пронести они со школьной поры и до смертного часа Мануила Алексеевича. Ольге же Донатовне, без сомнения, суждено стать символом и воплощением этого редкого духовного единения до после-

днего своего вздоха. В моем восприятии двое этих красивых и глубоко мне симпатичных людей давно уже являют одно целое. Это восприятие возникло незаметно и естественно, неосознанно, постепенно упрочалось по мере нашего общения, которое началось со времени совместной работы над книгой по истории Междуречья, в самом конце восьмидесятых годов прошлого века.

Шапочное знакомство состоялось лет на двадцать раньше, когда семейство Свистуновых перебралось из Святогорья в Шуйское и поселилось по соседству с моим дедом Николаем Алексеевичем Трошкиным, у которого я проживал в детские и юношеские годы. Запомнилось, что дед, будучи в оценках людей всегда человеком строгим и принципиальным, новым соседям не раз давал положительную оценку, хотя и считал, что учитель и директор школы человек значительно более полезный, нежели партийный работник.

Мануил Алексеевич, проработав четыре года заведующим отделом пропаганды и агитации Междуреченского райкома КПСС, вероятно, пришёл к тому же выводу. Сказались, без сомнения, и «учительские гены», и сравнение удовлетворения, получаемого от работы в школе и в райкоме. В 1969 году он был назначен директором Шуйской средней школы. В том же году, окончив Вологодский пединститут, я пришел на

работу учителем истории Туровецкой восьмилетней школы. Лишь спустя два года, когда я был переведен лектором в райком партии, наше общение с ним стало более регулярным, хотя и оставалось на каких-то полуофициальных уровнях различных партийных и школьных мероприятий. С переездом Свистуновых в Вологду и это общение прекратилось на несколько лет. Мануил Алексеевич нечасто бывал в Шуйском, еще реже заглядывал в райком, где я продолжал работать до 1990 года.

Поэтому его предложение написать вместе с ним книгу по истории Междуречья было для меня вполне неожиданным. Тем более что сам я занимался тогда местным краеведением, хотя и с интересом, но лишь от случая к случаю. Одним из таких «случаев» была моя статья с торжественно-трескучим названием - «Традиции трудового героизма», в которой были использованы многочисленные факты о достижениях сельских тружеников Междуречья в предвоенные, послевоенные и последующие годы. Материал был опубликован почти в десятке номеров районной газеты. Какие-то фрагменты текста попали на глаза моему будущему наставнику. Позднее я понял, сколько остроумно-едких, критических, но вполне обоснованных и справедливых редакторских замечаний было бы высказано им в мой адрес, прочитай он всё моё газетное многословие, посвященное юбилею движения за коммунистическое отношение к труду.

Как выяснилось во время совместной работы над рукописью по истории Междуречья, Мануил Алексеевич был не только весьма грамотным, толковым, строгим редактором, но и очень тактичным человеком, который обладал умением выслушать чужое мнение, привести убедительные аргументы в споре, облечь свои контрдоводы в необидную, иногда в шутовскую форму. Он никогда не показывал своего несомненного превосходства и старшинства, поэтому общаться с ним было легко и интересно, невольно возникало желание подтянуться до его уровня. На его замечания невозможно было обижаться. Так, после взаимного прочтения наших частей рукописи, когда, сделав необходимые пометки, мы вернулись к своим текстам, я, уже вернувшись домой в Шуйское, обнаружил после одного из моих витиевато-кудреватых абзацев написанную красивейшим почерком реплику: «Эх, ма!» Никогда, ни до того, ни после не доводилось мне встречать вразумительный комментарий короче и задорней.

В работе над своей частью рукописи я нередко использовал уже имевшие к тому времени краеведческие исследования Мануила Алексеевича, особенно его громадную по объёму, насыщенную богатым фактическим материалом рукопись по истории современного Ботановского сельсовета. Это результат титанической и вполне бескорыстной работы не только в архивной тишине, но и полученный в ходе многочисленных встреч с земляками, когда он, уже будучи на инвалидности, обошел дома и квартиры всех жителей и обстоятельно побеседовал с

представителями старшего и среднего возраста в каждой семье. Такая конкретика с интересом и пониманием воспринималась не только в ближней, но и в дальней округе, позволяла делать достаточно аргументированные выводы и обобщения.

Мануил Алексеевич не был любителем хвалебных отзывов, и помнится, выслушав мою оценку его ботановской рукописи, сказал: «Это дело сделано. Тебе спасибо за «лакомые кусочки», которые ты подобрал. (Сразу оговорюсь, что в его первой части книги таких «кусочков» оказалось два – три, не больше). Давай о том, что теперь надо сделать».

Могу с полным на то основанием сказать, что Мануил Алексеевич был не только автором, как теперь говорят, проекта книги по истории нашего Междуречья. Он вдохнул жизнь в уже готовую рукопись, взяв на себя все многочисленные хлопоты по её изданию. Он был мастером, а я – подмастерьем, который помогал в меру своих сил и возможностей и которого он исподволь старался подтянуть до своего высокого исследовательского и писательского уровня. Прямо надо сказать: мне повезло с учителем в писательстве по историческому краеведению и с наставником по жизни. В перспективе у нас намечалось и начиналось соавторство по целому ряду направлений. Но навалились тягостные, разрушительные и унижительные смутные времена, которые оставляли мало времени и сил на творчество и резко сократили издательские возможности. Я знаю о нескольких интереснейших писательских и исследовательских задумках Мануила Алексеевича, которые он на беду всем нам так и не успел реализовать.

Его самооценка, насколько я могу судить, не была заниженной, но вполне заслуженно- достойной. А вот другим людям, их делам и поступкам он не скупился давать высокие, иногда, как потом выяснялось, даже завышенные оценки. Очень огорчался и переживал, когда кто-то не оправдывал его доверия и надежд, зазнавался. Или уходил от открытого дружеского общения и спора, опускался до каких-то ябед... чиновникам. И это по вопросам литературного творчества, по издательским делам! К сожалению, случилось и такое. Дважды, с интервалом в несколько месяцев, давал мне Мануил Алексеевич текст «граммотки», подписанной, к моему, да и к его тоже, громадному удивлению несколькими, немногими, в том числе довольно знаменитыми вологодскими писателями.

Начиная чтение этого послания в первый раз, я никак не мог представить, какие подписи увижу в конце его, настолько мелочным и малообоснованным было его содержание, настолько малоубедительной была критика, похожая местами на завистливые и провокационные придирки. Прочитал я и письменный ответ «обвиняемого» – конкретный, четко аргументированный, сдержанный по тону.

- С тобой-то, Мануил Алексеич, до того эти люди хоть поговорили?

- Не сочли нужным. - Мой собеседник вздохнул, чуть смущённая улыбка тронула его губы. - Обидно и стыдно... за них.

Искреннее внимание к людям, бескорыстная забота о них, пусть и едва знакомых, - эти не часто встречающиеся человеческие качества были характерной чертой четы Свистуновых и проявились неисчислимое количество раз. Удивительны их неподдельный интерес к людям и гостеприимство. Множество самых разных людей бывало в их доме. В неофициальных дружеских беседах, вечерах, «чаях» (с минимальным количеством спиртного или, в большинстве случаев, без оного вообще). Сам Мануил Алексеевич, сумев самостоятельно (!) одержать очень нелёгкую победу над своим длительным пагубным пристрастием, угощал других, но не себя. Среди участников «чаёв» были, например, глава областной администрации Н. М. Подгорнов и его помощник В. Ф. Ширяев (был однажды приглашен и нынешний губернатор, но, увы... ему), многие известные и начинающие писатели и поэты не только из Вологды, но и из других городов и районов области, самодеятельные и профессиональные певцы, музыканты, композиторы, учёные, краеведы... А сколько здесь побывало людей, казалось бы, не отмеченных какими-то особыми творческими талантами, но в которых хозяева умели всегда разглядеть какую-то «изюминку», искорку, а то и просто не злую «загогулинку», что-то интересное и обязательно доброе. А сколько здесь побывало людей, которые нуждались в поддержке при поступлении в вуз, в трудоустройстве, в получении жилья! Не припомню случая, чтобы во время моих посещений, иногда коротких, а иногда и по несколько дней, никто в течение двух – трёх часов не заходил или не звонил, чтобы сам хозяин дома не брался хотя бы три-четыре раза за телефонную трубку.

За три пятилетки нашего близкого общения и дружбы не было случая, чтобы Мануил Алексеевич кому-то нагрубил, кого-то недослушал, на кого-то затаил зло или обиду.

При этом он никогда ни под кого не подлаживался, не лебезил и не заискивал перед начальством и чиновниками, новыми, впрочем, и старыми тоже, «хозяевами» жизни». Не терпел лицемерия, ханжества, хвастовства.

Меня привлекали в нем не только ум и широкая образованность, разнообразие интересов, но и умение общаться с людьми, его врождённая и воспитанная интеллигентность, умение жить интересно и с пользой, стремление творить добро. Он был человеком души и для души, русским, в лучшем смысле этого слова. После его смерти я часто и

остро ощущаю, как много он значил в моей жизни, как много дал. Нередко и сегодня мысленно советуясь с ним, пытаюсь равняться на него и, как правило, это даёт хороший результат. Не сомневаюсь, что таких людей остаётся какое-то количество и на этом свете, но уход каждого из них - невосполним. Остаётся лишь надеяться, что за последней чертой нас всех ждёт душевная и духовная встреча с теми, кого мы искренне уважали и любили, кто отвечал нам взаимностью, кто щедро делился своей добротой, кто согревал нашу душу здесь в этом, вероятно, не лучшем мире.

2007 г.

Издание осуществляется в рамках Шестых
историко-краеведческих Введенских чтений

Леонид Трошкин

НЕ НАПРАСНО ПРОЖИТАЯ ЖИЗНЬ

Воспоминания о М. А. Свистунове

отпечатано в АМУ «Редакция газеты Междуречье»
тираж 30 экз.